

ПОЛ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ: о некоторых направлениях в российском феминизме

...Женщины стихийно и самостоятельно ищут новые пути своей эмансипации и своего участия в политической, хозяйственной и духовной жизни общества.

Г. Силласте

(94)

Рекламный плакат, висящий в салоне автобуса, спрашивал прямо и строго: «Кто научил тебя брить ноги?» Не получив ответа, плакат, тем не менее, настойчиво требовал прекратить пользоваться папиной бритвой и приобрести настоящую, женскую. Проблема «брить или не брить» в рамки этой односторонней дискуссии не входила в принципе... Подобных примеров из современной «западной» жизни можно привести множество: некоторые из них продолжают шокировать, к большинству же относятся с привычным безразличием. Похоже, надпись «Посторонним вход воспрещён!», некогда разделявшая на секторы поле половых идентичностей, сменилась другой, временной, но довольно надежной: «Проверено: мин нет!»

В России проблемы пола, половых различий, различий, ориентаций, практик и идентичностей, миновав стадию экзотики, довольно быстро оказались в разряде пособий типа *Сделай сам* и *Всё о...* Аналогичную эволюцию, судя по всему, проделал и российский феминизм – от полной неспособности сформулировать суть «женских» проблем¹ до поражающей всеядности и готовности выдать за феминизм всё, что прямо или косвенно относится к «женщине».

О роли мужчины в развитии феминизма

Западноевропейский и, в особенности, англо-американский феминизм, наверное, еще долго решал бы вопрос о том, «брить» или «не брить», или, говоря иначе, о том, какие формы и способы телесного опыта считать подлинно женскими, а какие – навязанными патриархальной культурой, если бы не французский философ Мишель Фуко. Ряд его книг, опубликованных в начале 1970-х гг., если не оформил методологию того, что сегодня принято называть «гендерными исследова-

¹ В статье 1992 г. Ольга Липовская, например, писала о том, что слабое участие женщин в политических и социальных процессах связано с необходимостью осознания самими женщинами того, что «никто кроме них не сможет решить их проблемы. И эти проблемы еще должны быть названы (named)» (Lipovskaia O. *New Women's Organizations*. // Buckley M. (ed.). *Perestroika and Soviet Women*. Cambridge, 1992. P. 80–81).

ниями», то, по крайней мере, вывел феминизм из теоретического тупика андрогинности². Отныне любые попытки говорить об отношениях между полами, смысле и значении пола, практике и практиках пола вне связи этих явлений с механизмами и аппаратами власти, подчинения и господства невозможны.

Особенность подхода Фуко заключалась, разумеется, не в том, что «проблема пола» стала предметом не традиционного «психоаналитического», а, скорее, социологического и эпистемологического анализа: история и социология частной жизни – отрасль вполне традиционная в структуре западного обществоведения. Специфика концепции, предложенной Фуко и активно используемой феминизмом Нового Света, состоит в том, что впервые было поставлено под сомнение само понятие частной жизни как жизни автономной, отдельной и отделенной.

Как заметила Джудит Батлер, известная американская исследовательница-феминистка, скандал, связанный с выходом в свет первого тома *Истории сексуальности* Фуко, был вызван основным тезисом книги о том, что секс, оказывается, «у нас был не всегда»³, что половые отношения трансформировались из собственно половой, сексуальной, формы жизнедеятельности в разряд отношений, характеризующих и формирующих личность, относительно недавно. И что данная трансформация впервые обозначила ситуацию, при которой «пол перестал быть случайной произвольной чертой, характеризующей личность» (там же). Отныне восприятие личности вне полового аспекта стало невысказанным, и только благодаря наличию (или отсутствию) у личности определенного набора «типичных» половых признаков и черт поведения возможно (или соответственно невозможно) человеческое существование. Понятие пола, таким образом, «позволило свести воедино, собрать в искусственном союзе анатомические элементы, биологические функции, модели поведения, конкретные ощущения и удовольствия для того, чтобы отныне каждый мог использовать эту фиктивную комбинацию в качестве основополагающей причины»⁴, исходного признака, позволяющего классифицировать поведение индивида⁵.

В начале 1970-х гг. в Европе и Северной Америке подобный пансексуализм сам по себе вряд ли вызвал сколько-нибудь пристальное внимание: сексуальная революция еще не была забыта, а фрейдизм благо-

² О роли Фуко в развитии феминизма см.: McNay L. *Foucault and Feminism: Power, Gender and the Self*. Cambridge, 1992. Подробный разбор теоретических разногласий между теорией сексуальности, предложенной Фуко, и современным феминизмом см.: Ramazanoglu C. (ed.). *Up Against Foucault: Explorations of Some Tensions Between Foucault and Feminism*. London, 1993.

³ Butler J. *Sexual Inversions* // Caputo J., Yount M. (eds.). *Foucault and the Critique of Institutions*. University Park, 1993. P. 81.

⁴ Foucault M. *The History of Sexuality. Vol. 1: an Introduction*. New York, 1990. P. 154.

⁵ Butler J. *Sexual Inversions*. P. 81–82.

даря Ж. Лакану обрел второе дыхание задолго до выхода в свет работ Фуко. Если бы не одно «но». Первый том *Истории сексуальности* изначально планировалось назвать *Пол и истина*. Подзаголовок, делавший прозрачным методологию автора, уточнял: *Воля к знанию*⁶. Акцент, таким образом, делался не столько на истории сексуальной практики, сколько на существующих вариантах дискурса, системах рассуждений, идеологий, оформляющих, направляющих и, собственно, конституирующих сексуальную практику как регулируемый процесс. *Scientis sexualis*, в итоге, стала рассматриваться в качестве одной из форм «биополитики среди населения»⁷, а исторический процесс – в качестве «биоистории»⁸.

Феминизм же в результате получил аналитическое орудие, которого ему давно не хватало: пол перешел из разряда категории, имеющей некий биологический референт-означаемое, в разряд категории дискурсивной⁹, т.е. приобретающей свое значение в процессе коммуникативного, диалогического производства смыслов, или, говоря иначе, в разряд категории, собственного, изначального, внеконтекстуального смысла не имеющей; диалог же, в свою очередь, стал трактоваться в терминах воспроизводимой им системы ценностных и гносеологических иерархий. В итоге сформировался замкнутый круг понятий «пол – дискурс – власть», анализ соотношений между которыми и определил развитие современного западного феминизма¹⁰.

Кем управляют женские элиты в России?

Российский феминизм, судя по всему, ни появления, ни ухода Фуко не заметил. Следуя Птолемеевой парадигме, вновь оформившееся теоретическое движение зачастую продолжает отрицать имеющийся современный зарубежный опыт, время от времени втягивая в свою орбиту случайные имена и концепции. Приведу лишь один, но довольно показательный пример. В течение последних лет в российской и зарубежной научной прессе опубликован ряд статей московской исследовательницы Г. Силласте¹¹. Основной смысл, как теперь принято говорить, теоретиче-

⁶ Macey D. *The Lives of Michael Foucault*. London, 1993. P. 354.

⁷ Foucault M. *The History of Sexuality...* P. 139.

⁸ Ibid. P. 143.

⁹ См., напр.: Smith D. *Femininity as Discourse* // Roman L., Christian-Smith L., Ellsworth E. (eds.). *Becoming Feminine: the Politics of Popular Culture*. London, 1988.

¹⁰ Историю теоретического развития западного феминизма см.: Whelehan I. *Modern Feminist Thought: From the Second Wave to «Post-feminism»*. New York, 1995.

¹¹ Силласте Г. Женщины в политической жизни // Коммунист. 1991. № 8; Силласте Г. Женские элиты в России // *Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен*. М., 1994. Статья под таким же названием опубликована

ского проекта Г. Силласте состоит в «социологическом подходе к анализу теории и практики женских элит», который «открывает широкие возможности для изучения проблем женщин и женских движений в России, углубления социогендерного подхода к исследованию женского вопроса в принципиально новых исторических условиях»¹². Посмотрим, о каком «расширении» и «углублении» идет речь.

Используя в качестве основы концепцию элит, разработанную Парето и Моска, Г. Силласте делает вывод о возможности анализа элит «по признаку пола», в соответствии с которым в России в XIX–XX вв. женские элиты «существовали не только в политике, но и в других сферах общественной жизни – образовании, науке, культуре» (с. 28). Каким образом формировались женские элиты в более близкое – советское – время? Согласно Силласте, «женская элитарность возникла, сложилась и существовала под недремлющим оком партийно-государственного контроля», «партийный аппарат жестко держал в своих руках всю систему подготовки и воспитания женской политической элиты» (с. 29, 30). Что произошло с женской политической элитой в России после того, как контроль над «системой подготовки и воспитания» исчез? В «новых условиях» у «новой политической женской элиты» нет «ни сплоченности действий, ни сформированного группового сознания, ни согласия как общей воли к действию» (с. 36); в итоге «эта элита не способна не только завоевывать, но и удерживать власть там, где она не потеряна» (с. 35).

Закономерен вопрос: «А был ли, так сказать, мальчик?» Или, говоря иначе, насколько теоретически оправданно определять принадлежность женщины к элите исходя из её «социального положения, её деятельности и престижа, личных деловых и человеческих качеств»? (с. 28) Можно ли вообще говорить о женской элите как о социальном и социологическом факте, если даже наиболее заметная часть – *бизнес-элита* – является, по определению Силласте, «элитой неправящей» (с. 36) и, добавлю, неправившей? И, в конце концов, если «женский элитизм не представляет собой социального явления, изолированного, отделенного «китайской стеной» от сильного пола» (с. 28), то насколько правомерно этот самый «женский элитизм» от сильного пола «отделять» или, если быть точнее, наделять его «женской» природой?

В работе *Зарождение и упадок элит* В. Парето, в ответ на заявления итальянских социалистов о том, что благодаря их деятельности рабочие «становятся более нравственными, более порядочными, менее гру-

в журнале: *Общественные науки и современность*. 1994. № 1. Ссылки даются по статье из сборника: Силласте Г. Социогендерные отношения в период социальной трансформации в России // *Социологические исследования*. 1994. № 4; Sillaste G. Sociogender Relations in the Period of Social Transformation in Russia // *Russian Social Science Review*. July-August. 1995.

¹² Силласте Г. *Женские элиты в России*. С. 39. Далее ссылки на эту статью даются в скобках по тексту.

быми»¹³, заметил: «Всё это так, если не считать того, что в своем большинстве они вовсе не стали такими, а были отобраны уже такими, а это совсем другое дело»¹⁴. В этом отношении процесс последовательной селекции женских кандидатур для строго регламентированного участия в политической деятельности правящей элиты, о котором говорит Г. Силласте, вряд ли можно отождествлять с процессом формирования качественно инородной элиты. Напомню, что, согласно и Парето и Моска, главным критерием элиты является далеко не её социальный статус как таковой, а её «дееспособность»¹⁵ определять «политический тип и уровень развития... народов»¹⁶. Дееспособность, зависящая по меньшей мере от двух факторов: организационного и содержательного. Суть первого заключается в способности противопоставить «раздробленному большинству» «монолит организованного меньшинства», «меньшинства, организованного исключительно по причине своей малочисленности»¹⁷. Содержательный же аспект, обеспечивающий жизнеспособность правящей элиты, состоит, во-первых, в монополизации доступа к источникам, обеспечившим приход к власти, и, во-вторых, в способности оказывать услуги и выполнять функции, которые имеют важнейшее значение и массовое признание в обществе, управляемом этой элитой. Неспособность успешно сочетать оба фактора ведет к неизбежной смене, или циркуляции, элит.

(98)

Можно ли на фоне подобного рода теории элит, взятой за основу, говорить об элитах, сформированных «по признаку пола»? Какова возможная степень самоорганизованности этих биологически однородных социальных элит? И что более всего важно: насколько реальна «монополизация доступа к источникам власти» в этих условиях? Демографический анализ состава правящих и оппозиционных элит, безусловно, имеет право на существование: любые действия по стимулированию участия в политической деятельности женщин (а также любых иных социальных, культурных, религиозных, национальных, сексуальных и т.д. и т.п. меньшинств) начинаются со статистики соответствующего рода. Вопрос в том, стоит ли при этом мифологизировать результаты статистико-демографического анализа, как это делает Силласте.

Опасность подобного, крайне облегченного, подхода к проблеме женских исследований в области общественных наук заключается, разумеется, не в его методологической невнятности, терминологической путанице и фактической уязвимости: попытки выстраивать в обществоведении параллельную структуру, имеющую в качестве основы ис-

¹³ Pareto V. *The Rise and Fall of Elites: an Application of Theoretical Sociology*. New Brunswick, 1991. P. 9.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 30.

¹⁶ Mosca G. *The Ruling Class*. New York, 1939. P. 61.

¹⁷ Ibid. P. 43.

ключительно половой признак, обречены быть бесплодными. Основная проблема заключается в том, что социальный анализ ведется в эпистемологических рамках, выработанных режимом, за деконструкцию которого и выступает феминизм. Работы Парето и Моска, написанные на рубеже веков, относятся к так называемому «органическому» направлению в социологии, трактующему общество как замкнутый, целостный социальный организм, что, собственно, и дало рождение самой концепции циркуляции элит. Вряд ли случайным является и то, что эта теория позднее была использована такими сторонниками структурно-функционального подхода, как Т. Парсонс и С. Липсет¹⁸. Что может дать феминизму подход, имеющий в качестве основы принцип бинарного структурирования (верх/низ, элиты/массы, логика/чувства), сердцевиной которого является «скрытая оппозиция мужское/женское с её неизбежной позитивной/негативной оценкой»?¹⁹

Есть определенная ирония в том, что концепция теоретиков, крайне негативно относившихся к демократии вообще и к феминизму в частности, используется представителями группы, едва ли не более всего пострадавшей от невозможности выразить свою собственную точку зрения²⁰. Завершая свою книгу, Парето отметил: «Говоря в целом, для нынешней элиты нет хуже врага, а для будущей элиты нет лучше друга, чем филантропствующая, сочувствующая и проповедующая этические принципы толпа»²¹. Смогут ли преодолеть эту этическую идеосинкразию женские элиты?²²

¹⁸ Недавние попытки развить теорию элит и противопоставить концепции «циркуляции» концепцию «воспроизводства», в принципе, используют ту же самую структурную парадигму и вряд ли способны дать «небинарную» картину общественного развития. См.: Szelenyi I., Wnuk-Lipinski E., Treiman D. (eds.). *Circulation vs. Reproduction of Elites During the Post-Communist Transformation of Eastern Europe // Theory and Society. Renewal and Critique in Social Theory*. 1995. Vol. 24(5).

¹⁹ Moi T. *Sexual/Textual Politics*. London, 1984. P. 104–106. Об архетипическом анализе оппозиций «верх/низ» как варианте оппозиции «мужское/женское» см.: Neuman E. *The Fear of the Feminine and Other Essays on Feminine Psychology*. Princeton, 1994.

²⁰ Концепция женских элит затрагивает еще один, принципиально важный для теории и практики феминизма вопрос, заданный почти тридцать лет назад: может ли женщина угнетать женщину? См.: Grant J. *Fundamental Feminism: Contesting the Core Concepts of Feminist Theory*. New York, 1993. P. 3–8. Утвердительный ответ Силласте лишь подтверждает общий вывод современного феминизма: «половая» принадлежность скорее свидетельствует об отношении субъекта к власти, чем об анатомии.

²¹ Pareto V. *The Rise and Fall of Elites...* P. 101.

²² Примером тому, как теория элит используется для апологии социального расизма в настоящее время, может служить недавняя статья О. Мороза, в которой автор пытается найти генетическую основу социальной элитарности (Мороз О. Они опять желают немного поэкспериментировать над нами // *Литературная газета*. 1996. 15 мая). Попытка эта, разумеется, далеко не оригинальна. В 1923 г. журнал, основанный Муссолини, в одном из некро-

«Демократического типа элиты среди женщин не сложилось», – констатирует Г. Силласте (с.39) . Можно быть уверенным – и не сложится: демократических элит не бывает²³.

Могут ли гендерные отношения не быть социальными?

Помимо концепции (патриархального) женского элитизма работы Силласте содержат еще одну, довольно показательную для российского феминизма теоретическую схему. В обеих статьях 1994 г. автор говорит о необходимости проведения социогендерных исследований, обозначая тем самым определенные различия между собственно исследованиями гендерных отношений, использующими в качестве методологии «противоречивую смесь взглядов, сформированных на основе фрейдизма, бихевиоризма, психологизма и социологии малых групп»²⁴, и анализом «социогендерных отношений», которые «возникают в процессе взаимодействия женщин как многочисленной социальной общности... как специфической социальной группы, отличающейся конкретными демографическими характеристиками, с макро... и микро... окружением»²⁵. При таком подходе, замечает Силласте, «позиция женщины определяется не биопсихологическими, а социальными факторами»²⁶.

А. Посадская и Н. Римашевская в своих статьях и интервью²⁷ уже объясняли, что использование слова gender в качестве научной категории в конце 1980-х гг. было вызвано вполне конкретными причинами, а именно: отсутствием практики различения между половыми отношениями как физиологическим актом и половыми отношениями как социальным институтом. Несмотря на то что тактически подобный терминологический «импорт» был оправдан, стратегически он привел к ситуации, когда термин начал играть свою собственную роль, в значительной степени противоречащую, как это обычно и бывает, изначальной идее: вместо того чтобы подчеркивать «небиологическую» при-

логов (на смерть В. Парето) с сожалением замечал, что хотя сам Парето фашистом и не был, он внес большой вклад в развитие теории фашизма. См.: Zetterberg H. Pareto's Theory of Elites // Pareto V. *The Rise and Fall of Elites*. . . Р. 1–2.

²³ В английском переводе книги Парето указан итальянский аналог термина «элиты» – *aristocrazia*; что касается Моска, то в его работе речь идет не столько об «элитах», сколько об «олигархиях», «правлящем» «политическом» классе.

²⁴ Sillaste G. *Sociogender Relations in the Period of Social Transformation in Russia*. Р. 67–68.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ См., напр.: Posadskaya A. Self-portrait of a Russian Feminist // *New Left Review*. 1992. Vol. 195; Rimashevskaja N. The New Women's Studies // Buckley M. (ed.). *Perestroika and Soviet Women*. Cambridge, 1989.

роду половых отношений, термин маскирует её. Так стало возможным появление социогендерных отношений.

Действительно ли, как пишет Силласте, «защитники понятия гендерных отношений» в «своем анализе любых перемен в обществе исходят из примата мужских и женских предрасположенностей к определенным моделям поведения, из психобиологических и психологических различий между полами»?²⁸ И если это так, то какова природа этих «предрасположенностей»? Исторически проблема «полного фактического и правового равноправия женщин с мужчинами»²⁹ была актуальной лишь на первом этапе послевоенного феминизма – в конце 1960-х гг., – выросшем в основном из глубин «нового левого» движения, а также движения за гражданские права³⁰. Последовательное развитие этого подхода привело к теоретическому и практическому параличу, наиболее отчетливо оформившемуся в концепции андрогинности.

Очевидно, что акцент на социальной равнозначности и равноценности как «женских», так и «мужских» качеств и типов деятельности³¹ есть не что иное, как экстраполяция фрейдовской теории о бисексуальной природе личности³² на общество в целом. Активная эксплуатация концепции андрогинности в таких наименее благоприятных для женщин сферах жизни и культуры, как организация и управление бизнесом, рок-культура³³ и рекламный бизнес³⁴, лишь подчеркивает тот факт, что теоретическая конструкция, с помощью которой феминизм намеревался изменить ситуацию, была использована для сохранения незыблемости этой ситуации и что концепция андрогинности скорее способствует, чем препятствует, воспроизводству традиционных властных иерархий.

(101)

²⁸ Sillaste G. *Sociogender Relations in the Period of Social Transformation in Russia*. P. 47.

²⁹ Силласте Г. Женщины в политической жизни // *Коммунист*. 1991. № 8. С. 9.

³⁰ См. подробнее: Grant J. *Fundamental Feminism: Contesting the Core Concepts of Feminist Theory*. New York, 1993. P. 17–39.

³¹ С. Морган, например, так сформулировала этот подход: «Если материнские качества, связанные с женщиной, являются действительно желанными качествами, то они должны быть желанными не только для женщин». Morgan S. *Conceptualizing and Changing Consciousness: Socialist Feminist Perspectives* // Hansen K., Philipson I. (eds.). *Women, Class, and the Feminist Imagination: a Socialist-Feminist Reader*. Philadelphia, 1990. P. 78.

³² «...С биологической или психологической точки зрения не существует ни чисто мужских, ни чисто женских качеств. Наоборот, каждый индивид представляет собой смесь биологических характеристик, присущих его полу, с биологическими характеристиками, присущими противоположному полу». Freud S. *Three Contributions to the Theory of Sex*. New York, 1962. P. 77.

³³ См.: Sharon N. *Men, Women and Leadership* // *Nation's Business*. 1991. Vol. 79 (5). P. 25; Simpson M. *Male Impersonators: Men Performing Masculinities*. London, 1994.

³⁴ Craik J. *The Face of Fashion: Cultural Studies in Fashion*. London, 1994. P. 176–203.

Уязвимость концепции «эгалитарного»³⁵, или «андрогинного», феминизма, на мой взгляд, связана по меньшей мере с двумя факторами. Во-первых, концепция оказалась не в состоянии объяснить, почему и как исходная симметрия полов неизбежно и повсеместно превращается в иерархию полов. С этой точки зрения «эгалитарному» феминизму вряд ли есть что добавить к уже хорошо известным фактам. Как замечает Катарина МакКиннон, «феминизму давно известно о том, что мужчина и женщина в одинаковой степени различны, но не в одинаковой степени полновластны»³⁶. Выводя проблематику пола за пределы анализа роли властных отношений в формировании института пола, эгалитарный феминизм оказывается в ситуации «вечно догоняющего», обреченный, в лучшем случае, апеллировать к постоянной коррекции ситуации, чем к изменению порождающих её причин³⁷.

Другим существенным недостатком концепции «андрогинного общества»³⁸ является стремление моделировать социальную жизнь исходя из фундаментальной идеи о половом диморфизме. Или, иными словами, из идеи о том, что любые модели поведения всегда могут быть сведены либо к определенным анатомическими/биологическим первопричинам (и классифицированы соответственно как мужские или как женские), либо к непосредственным продолжениям этих первопричин (семья, воспитание детей и т.д.). Суть проблемы, таким образом, опять сводится не столько к анализу генеалогии конкретных моделей поведения, воспринимаемых как типичные, сколько к акценту на их априорной – данной – равноценности и равнозначности.

Политическая и эпистемологическая нечленораздельность концепции андрогинности в конечном итоге дала рождение второй волне феминизма – волне, связанной с такими понятиями, как «различия», «различения», «разница»³⁹, нашедшими наиболее полную реализацию в работах американских социальных психологов Кэрол Гиллиган⁴⁰ и

³⁵ Захарова Н., Посадская А., Римашевская Н. Как мы решаем женский вопрос // *Коммунист*. 1989. № 4.

³⁶ MacKinnon C. *Feminism Unmodified: Discourses on Life and Law*. Cambridge, 1987. P. 61.

³⁷ В этом отношении показательна стилистика аргументации сторонниц подобного подхода. Одна из российских исследовательниц в статье с названием *Женщины в сфере управления* так мотивирует свой тезис: «Если женщины мыслят, чувствуют и поступают несколько иначе, чем мужчины, то это отличие не порок, а преимущество, дополнение и обогащение жизни общества... Всё в мире совершается через истинное соотношение женского и мужского начал, их взаимопроникновение, гармонизацию». (Захарова Н., Посадская А., Римашевская Н. *Как мы решаем женский вопрос*. С. 48).

³⁸ Grant J. *Fundamental Feminism...* P. 22.

³⁹ Eisenstein H. *Gender Shock: Practicing Feminism on Two Continents*. Boston, 1991. P. 99.

⁴⁰ Gilligan C. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*. Cambridge, 1982.

Нэнси Чодоров⁴¹. Обе работы стали попыткой найти ту «специфику», которая объясняла бы не только причины различий между полами, но и причину угнетения женщин по половому признаку; обе исследовательницы видят основу этой «специфичности» в институте материнства. Не вдаваясь в подробный анализ этого подхода, использующего в качестве методологии теорию «объекта первоначальной идентификации»⁴², лишь замечу, что институт материнства в рамках данной концепции важен не столько сам по себе⁴³, сколько в силу того различия, которое он постоянно воспроизводит в процессе формирования женской и мужской половых идентичностей. Различия, которое определяется «характером отношений между ребенком и матерью на ранней [пре-эдиповой] стадии его развития»⁴⁴. В то время как «дочери преимущественно продолжают оставаться частью диады мать – дитя», сыновья оказываются «вытолкнутыми за пределы пре-эдиповых отношений и вынуждены маскировать чувство изначальной любви и эмоциональной привязанности к матери»⁴⁵. Важным при этом является то, что и чувство привязанности, которое испытывают женщины в процессе своих взаимоотношений, и чувство самостоятельности и независимости, характерные для мужчин⁴⁶, являются продуктом конкретной социальной практики и определяются не столько эмоциональными (природными) аспектами материнства, сколько негативным, вторичным характером сущности «мужских» черт⁴⁷.

⁴¹ Chodorow N. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley, 1978.

⁴² Теория «объектных отношений», или теория «объекта первоначальной идентификации» (object relation theory), исходит из того, что процесс формирования идентичности ребенка на ранней стадии развития сводится к его полной ассоциации (идентификации) с матерью либо человеком, выполняющим «её» функции. Согласно этой теории, важность «первичного объекта идентификации» объясняется полной зависимостью ребенка от данного «объекта» и его стремлением сохранить установившуюся с «объектом» связь как можно дольше (см. подр.: Chodorow N. *The Reproduction of Mothering...*).

⁴³ Как замечает Чодоров: «Примеры из разных культур свидетельствуют о том, что приоритетная связь женщины и родительского чувства базируется исключительно на таких функциях, как беременность и кормление молоком... Выводы о биологической основе родительских чувств могут быть лишь умозрительными» (Chodorow N. *The Reproduction of Mothering...* P. 286–289).

⁴⁴ Ibid. P. 167.

⁴⁵ Ibid. P. 166.

⁴⁶ Ibid. P. 169.

⁴⁷ Кристин Ди Стефано, используя методологию Чодоров, так описывает процесс формирования мужской половой идентичности: «Фундаментальные категории, при помощи которых ребенок мужского пола пытается определить для себя, что же именно делает его мальчиком, лицом мужского пола, субъектом действия в мире, организованном и дифференцированном по половому признаку, состоят из набора отрицаний, связанных с фигурой матери. Быть мальчиком означает ничем не напоминать ни о матери, ни о женщине, ни о женственности» (Di Stefano C. *Configurations of Masculinity: a Feminist Perspective on Modern Political Theory*. Ithaca, 1991. P. 46)

Очевидно, что, в отличие от эгалитарного феминизма, феминизм периода «объекта первоначальной идентификации» акцентирует не равенство и равноценность полов, а их асимметричность и несхожесть, принципиальное несовпадение, сформированное сложившимися в обществе институтами и практиками: «материнскими/женскими», т.е. позитивными, первичными, и «отцовскими/мужскими», т.е. негативными, вторичными. Несмотря на откровенный ценностный схематизм и идеализацию «материнства» как универсального института, данное направление позволило начать анализ гендерных отношений с точки зрения процесса их институционализации.

Частный «мир женщины»

Собственно, только в рамках нынешнего этапа гендерных исследований, определяемого некоторыми авторами как «постфеминистский»⁴⁸, феминизм сделал заявку на формирование собственных теории и практики, не опирающихся на концептуальные схемы классической (патриархальной) философии. Ключевым моментом в этой попытке преодолеть «эпистемологический империализм»⁴⁹ явилось стремление «сформулировать политику репрезентации, способную возродить феминизм на иных основах»⁵⁰. Акцент на политике репрезентации, т.е. политике создания, распространения и осмысления конкретных образов реальности и отношений между ними, традиционно известной как пропаганда или реклама, для гендерных исследований, разумеется, не случаен.

Используя выводы Луи Альтюссера⁵¹, Мишеля Фуко⁵², Пьера Бурдьё⁵³ и др., (пост)феминизм делает упор на анализе роли практической деятельности индивида в процессе формирования идентичности. Согласно, например, Альтюссеру, трансформация индивида в субъекта воли, способного делать выбор и принимать решения, возможна только через участие (или отказ от участия) в определенных видах идеологической деятельности (практиках)⁵⁴. В свою очередь реализация конкретного варианта субъектной и субъективной деятельности предполагает в качестве предпосылки (само)идентификацию, маркировку, категоризацию

⁴⁸ Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, 1990. P. 5.

⁴⁹ Ibid. P. 13.

⁵⁰ Ibid. P. 5.

⁵¹ Althusser L. *Lenin and Philosophy, and Other Essays*. New York, 1971.

⁵² Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. London, 1972.

⁵³ Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge, 1977.

⁵⁴ Althusser L. *Lenin and Philosophy...* В качестве институтов, осуществляющих подобные идеологические практики, Альтюссер выделяет религиозные, образовательные, семейные, правовые, политические, профсоюзные, информационные, культурные, идеологические государственные аппараты (ibid., p. 136–138).

индивида. Наиболее отчетливо этот процесс «социальной паспортизации» проявляется в различных вариантах инициации – от принятия в пионеры до представления рекомендаций и заполнения анкет отдела кадров. Существование подобного института паспортизации, однако, возможно только при условии единства в понимании смысла и значения устанавливаемых им категорий, т.е. при условии использования (потенциальным) субъектом и сообществом единого механизма кодирования и декодирования информации⁵⁵. Как формируется это единство, вернее, единогласие в отношении социальных категорий? За счет каких риторических приемов исключения, упрощения, обобщения достигается чистота таких понятий, как «демократ», «женщина», «украинец» или «новый русский»? Посредством каких механизмов идеальные социологические типы проецируются в «массовом» сознании на конкретных людей?

Весь этот перечень вопросов и связан с политикой репрезентации: контролируемым образным – т.е. идеологическим – отражением роли/места индивида в определенных материальных отношениях. В итоге участие, вовлеченность в материальные отношения напрямую зависят от способности субъекта активизировать определенные системы знаков и кодов, «которые существовали до появления индивида и которые и определяют его культурную идентичность»⁵⁶. Говоря иначе, «овеществление» участия возможно благодаря присвоению знаков участия (преимущественно потребительского характера: стиль одежды, жилья, марка личного автомобиля и т.д.), благодаря способности оперировать уже готовым набором клише. «Дискурс, в итоге, становится средством, при помощи которого формируется субъект и поддерживается существующий порядок»⁵⁷.

Но если формирование субъекта неотделимо и невозможно вне его репрезентации как участника конкретных действий («мать-героиня», «холостяк», «профессор», «мусульманин» и т.д.), то насколько процесс формирования субъекта «вообще» отличается от процесса формирования субъекта с конкретными половыми характеристиками? Не являются ли и сами «половые» характеристики метонимиями конкретных социальных практик? И если это так, то как именно осуществляется процесс дискурсивного формирования понятий «мужское» и «женское»? Если американская исследовательница Тереза де Лоретис права и пол действительно является «репрезентацией отношения принадлежности к классу, группе, категории»⁵⁸, то можно ли говорить о контроле в сфере репрезентации данных «отношений принадлежности»? Вернее, о по-

⁵⁵ Searle J. *Speech Acts*. Cambridge, 1984. P. 40–43.

⁵⁶ Sarup M. *An Introductory Guide to Post-Structuralism and Postmodernism*. Athens, 1989. P. 29.

⁵⁷ Ibid. P. 29.

⁵⁸ Lauretis T. de. *The Technologies of Gender // Lauretis T. de. Technologies of Gender: Essays on Theory, Film, and Fiction*. Bloomington: Indiana University Press, 1989. P. 4.

ловой окрашенности данного контроля. Если «сконструированность» пола, его произвольность и производность в не меньшей степени социальны, чем любые иные формы групповой идентичности, будь то религиозная, национальная, классовая, возрастная и т.д., то как именно формируется понятие «отклонений» и «аномалий», или: с чьих позиций формируется «идеальный» тип женского и/или мужского поведения?

Приведу лишь один пример тому, как на уровне репрезентации в средствах массовой информации проводится определенная дискурсивная политика по формированию конкретных половых идентичностей.

Концепция издания «общенационального еженедельного иллюстрированного журнала» *Огонёк* представляет собой в этом плане интересный случай. Как правило, внешнее оформление иллюстрированных журналов строится по одной из двух схем. Если информационные издания типа *Time*, *Newsweek*, *U. S. News and World Report* руководствуются принципом «cover-story», т.е. выносят на обложку фотографию, имеющую прямое отношение к главному материалу номера, то иллюстрированные журналы типа *Harper's Bazaar*, *Mademoiselle*, *Glamour* и т.д. используют в своей работе принцип «cover-girl» – т.е. помещают на обложку фотографию (женской) модели, как правило, мало связанную с собственно содержанием номера. «Девушка с обложки» в данной ситуации выполняет исключительно рекламную функцию и призвана обозначить не столько связь «форма – содержание», сколько отношение «читатель – журнал».

С этой точки зрения публикация на обложке *Огонька* лиц и тел звезд кино и эстрады выполняет ту же самую функцию: лица включены в экономику знака – систему отношений, действующих по старой проверенной формуле: «товар/лицо – деньги – товар/новое лицо». Примечательна синтагматическая стратегия использования лица/образа, т.е. способ его «встраивания» в общую структуру журнального текста. Отношение «лицо – материал о лице» позволяет говорить о том, что – осознанно или неосознанно – вполне определенная стратегия, так сказать, налицо⁵⁹. Из восьми женских «голов» на обложке лишь одна имела возможность выразить собственное мнение (интервью, № 17), все остальные либо использовались исключительно в качестве «картинки», либо становились «предметом» стороннего анализа (биография, анализ передачи, короткая цитата-иллюстрация и т.д.) (ил. 1-2). По-другому обстоит дело с «cover-boys»: из девяти изображенных мужчин шестеро (№ 1, 5, 11, 17, 21) имели возможность говорить «своим голосом» (интервью, выдержки из интервью, собственные публикации).

Различие в использовании образов на уровне структурирования материала – возможно, непреднамеренное, но от этого еще более показательное – вполне наглядно демонстрирует и закрепляет сложившееся понимание «типичных» и «нетипичных» аспектов «мужского» и

⁵⁹ Для анализа взяты номера *Огонька* за январь – апрель 1996 г. (№ 1–21).

«женского» поведения (активный/пассивный). Так, характеристика «поколение топ-моделей», претендующая на роль шутки⁶⁰, наполняется конкретным, практическим содержанием: поколение топ-моделей становится поколением «cover-girls» без своей story.

Этот «домостроевский» подход к формированию женского образа⁶¹ еще более очевиден на примере внутренней структуры журнала, отраженной в рубриках. Рубрики и разделы важны не только для понимания того, что считается важным, а что расценивается как

(107)

ПОЛ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ

Илл. 1–2. Девушка с обложки, но без истории: Людмила Гурченко как символ списка фильмов. Огонек, № 2, 1996

маргинальное – т.е. для понимания того, какого рода социальная реальность выбрана в качестве модели для «отображения». Рубрики в данном случае выполняют функцию «интерпелляции»⁶² – функцию оклика и

⁶⁰ Задорнов М. В предыдущей жизни я был женщиной // *Крокодил*. 1996. № 3. С. 5.

⁶¹ Согласно *Домострою*, «молчаливость» – одна из самых важных добродетелей будущей жены: «Жена добрая, трудолюбивая, молчаливая – венец своему мужу» (*Домострой*. М., 1990. С. 137.)

⁶² Как отмечал Альтюссер: «...Идеология действует или функционирует посредством «рекрутирования» субъектов из числа индивидуумов (она рекрутирует их всех) или трансформации индивидуумов в субъектов (она трансформирует их всех) при помощи операции, которую я называю интер-

окрика, одновременно указывающую и указующую индивиду, что если он/она хочет чувствовать себя «женщиной», «мужчиной», «театралом», «книголюбом», «политиком», «лицом кавказской национальности» и т.д., то ему/ей лучше не нарушать установленные географические и семантические границы. В результате этой инверсии отношений идеологические рубрики приобретают самодовлеющее значение, и для того чтобы иметь право на определенную деятельность, субъект должен «подпадать» под определенную категорию.

Среди журнальных рубрик раздела *Частная жизнь*⁶³ только одна имеет четко выраженную «половую» ориентацию – рубрика *Мир женщины*. «Мир» женщины остается «частным» даже тогда, когда речь идет о профессиональной женской карьере (см., напр., № 17). Таким образом, формируются ассоциативные связи: «мир женщины» = «частная жизнь», «мир мужчины» = всё остальное. Один из тестов, опубликованный в частной жизни под рубрикой *Мир женщины*, был озаглавлен так: «А может, он герой не вашего романа?» (с. 56). А что, если этот роман вообще без героя?

Если *Частная жизнь* определяет, вернее, формирует границы «мира женщины», то *Досуги* наполняют этот мир содержанием. Из всего обилия рубрик данного раздела⁶⁴ относительно постоянными являются лишь две – *Компьютерные игры* и *Образ моды*. В обеих суть «досуга» сводится к реализации «властных импульсов»: в первом случае посредством манипуляции «виртуальной реальностью», во втором – посредством манипуляции женским телом. Вопрос, естественно, в том, кто манипулирует? Если, как полагает Джон Флюгель, «стимулирование полового инстинкта является фундаментальной целью использования различной одежды для обоих полов»⁶⁵, если одежда есть не что иное, как «оболочка», «конверт»⁶⁶, дающие представление о половой идентичности «отправителя», если, в конце концов, «женственность в особенности проявляется (is worn) через одежду»⁶⁷, то насколько значимо подобное превращение декорированного женского тела в предмет досуга? Насколько существенным для формирования половых идентичностей является развитие

пелляция, или оклик, операции, хорошо знакомой по привычному оклику полицейского: «Эй, ты!»» (Althusser L. *Lenin and Philosophy...* P. 162–163)

⁶³ *Приметы времени, Образ действий, Подводя итоги, Мир семьи, Гуманисты, Природа вещей, Психотека, Городской пейзаж, Характер, Обратная связь, Дороги к храму, Путешествия и приключения, Мир женщины, Это мы, Нравы, Век учись, Стиль жизни, Детский уголок.*

⁶⁴ *Нравы, Экзотика, Компьютерные игры, Чудаки, Братья меньшие, Хобби, Образ моды, Скандал, Вкусы, Премьера, Конкурсы, Праздник, Авто, Крутой маршрут, Стиль.*

⁶⁵ Flugel J. C. *The Psychology of Clothes*. New York, 1966. P. 103.

⁶⁶ Silverman K. *Fragments of Fashionable Discourse* // Modleski T. (ed.). *Studies in Entertainment: Critical Approaches to Mass Culture*. Bloomington, 1986. P. 147.

⁶⁷ Mulvey L. *Visual pleasure and narrative cinema* // Mulvey L. *Visual and Other Pleasures*. Bloomington, 1989. P. 56.

«модной» прессы? Или, говоря иначе, чьим досугом является мода? На мой взгляд, две работы, ставшие уже классическими: статья Лоры Малви *Визуальное удовольствие и нарративное кино* и книга Дж. Флюгеля *Психология одежды* – могут в определенной степени прояснить ситуацию.

Флюгель замечает в своей книге, что исчезновение, «уход» мужчины из центра мира моды, упрощение его одежды, связанное, во-первых, с эгалитарным влиянием Французской революции и вовлечением в систему банковской, управленческой и т.п. видов деятельности, во-вторых, дали неожиданные результаты: мода стала не столько феноменом, подчеркивающим и формирующим классовые различия, сколько средством обозначения различий половых. Начиная с конца XVIII в. мода всё более и более феминизируется, мужское присутствие в ней обозначается термином «за кадром» – в качестве модельера, фотографа, режиссера, зрителя. В терминах психоанализа это «исчезновение» мужчины из поля зрения трактуется Флюгелем как трансформация эксгибиционизма в скопофилию⁶⁸, в результате которой «зритель» посредством самоассоциации с объектом своего взора получает умозрительную возможность пережить ситуацию, реализовать которую другими способами он не в силах. Вполне естественно, что динамику сложившихся между полами отношений эта трансформация не изменила: функция присутствия женщины «в центре внимания» определялась (и определяется) внешними для неё факторами – необходимостью либо подтвердить финансовую дееспособность мужчины⁶⁹, либо реализовать его зрительные фантазии⁷⁰.

Связано ли напрямую «угасание» эксгибиционизма бывших героев неизбежных партийных и государственных фотохроник с расцветом скопофилии нынешних дизайнеров и стилистов, сказать сложно. Важно другое: политика репрезентации, политика формирования образа – будь то «образ моды» или образ «женщины» – остается неизменной. Её цель состоит в том, чтобы, как с поражающей откровенностью сформулировал один из российских модельеров, «подарить женщине женщину с её страстями и комплексами»⁷¹. Даже если автор этих «страстей и комплексов» – мужчина.

Исследователи гендерных отношений на Западе не устают повторять, что феминизма как единого и целостного явления не существует, что есть лишь разнородная совокупность взглядов, теорий, подходов и практик. В этом отношении ситуация в России вряд ли сколько-нибудь отлична. Безусловно, развитие гендерных исследований в целом и фе-

⁶⁸ Flugel J. *The Psychology of Clothes...* P. 110–118. *Скопофилия* – достижение (полового) удовольствия посредством использования другого человека в качестве объекта зрительной стимуляции (См.: Mulvey L. *Visual Pleasure and Narrative Cinema*. P. 18).

⁶⁹ Bell Q. *On Human Finery*. London, 1948. P. 141.

⁷⁰ Mulvey L. *Visual Pleasure and Narrative Cinema*. P. 21.

⁷¹ Игнатова Е. Зайцев соблазняет и грустит // *Огонек*. 1996. № 4. P. 81.

минизма в частности вряд ли можно свести к подходам авторов, упомянутых в статье. И тем не менее, несмотря на всю произвольность и узость, выбор достаточно представителен и отражает общую проблему, над решением которой бьется современный феминизм. Проблему, которую можно сформулировать следующим образом: сможет ли феминизм – как теория и практика – продемонстрировать иллюзорность нынешних «самоочевидных» онтологических и гносеологических истин, не впадая при этом в анатомо-физиологический фундаментализм? Или он обречен довольствоваться собственной нишей в уже сложившейся – т.е. сложенной – иерархии научной, политической, экономической, культурной и т.д. деятельности?

И концепция женских элит, и концепция эгалитарного феминизма, и концепция социогендерных отношений имеют вполне отчетливые следы патриархального происхождения. Пока эти следы напоминают скорее родимые пятна, чем защитную окраску. Или, вернее, этикетку. Идеологического товара.

1996 г.